

Борис Степанович Житков. Орлянка

Книга: Б.Житков. "Джарылгач". Рассказы и повести
Издательство "Детская литература", Ленинград, 1980
OCR & SpellCheck: Zmiy (zmiy@inbox.ru), 9 июня 2002 года

Еще вчера, вчера утром, вывезли матросы убитого товарища и положили его под брезентовым тентом* на пункте Нового мола.

* Тент - навес.

Офицер его застрелил.

Сносчики, мастеровые, гаванский люд толпились около брезентового шатра, глухо гудели. А бескровный лик покойника непреклонно отвечал одно и то же: он требовал возмездия.

Старый портовый стражник с медалями под рыжей бородой ровнял народ в очередь. А люди подходили, смотрели и снова заходили в хвост, чтоб еще раз спросить покойника. Подходили посмотреть и укрепиться.

Народу все прибывало, и вот торжественная жуть, как тревожный дым, поползла от порта к веселому городу. Все это было вчера, и как месяц, как год прошел до утра.

Какие-то люди стали разбивать казенный груз с водкой, - они не давали заводским бросать его с пристани в море. Какие-то люди стали зажигать пакгаузы, деревянную эстакаду. Они заперли в складе тех, кто не давал громить и жечь, и сожгли их, живьем сожгли в этом пакгаузе под рев пламени, под пьяное "ура".

Огнем поясом охватила порт горящая эстакада. С треском, с грохотом рвались гигантские дубовые балки.

Затлели пароходы, стоявшие у пристани. Горели постройки, и плотным удушливым дымом потянуло от штабелей угля.

И за треском пожара люди не слышали треска стрельбы: это из города пехотный полк обстреливал порт. Полк привели из провинции. Молодые безусые солдаты. Ночью на ярком фоне пламени черная толпа металась по молу. Ее стегали залпами вперекрест. Она выла и редела.

А штиль, мертвый штиль, не уносил дыма, и он стоял над портом обезумевшим и возмущенным духом. Военный корабль спокойно густым колоколом отбивал склянки. Он считал время и молчал. Его уже не боялись на берегу, не ждала от него помощи метавшаяся в огне толпа. И годы протекали от склянки до склянки.

Наутро смрад стоял над пожарищем. Пахло гарью, и ноздри разбирали среди чада этот особенный запах горелого мяса.

На уцелевшем каменном быке эстакады стоял патруль: ефрейтор и два рядовых-новобранца.

Востроносый прыщавый ефрейтор Сорокин с высоты быка осматривал пожарище и пустую улицу: безлюдную, с мертвыми воротами. Как очки на слепом, темнели стекла окон.

Рябой белый солдат, курносый, без ресниц - Рядков, надо же такое - Рядков! Рядков смотрел на пожарище - дым еще шел от угля и складов - и лазал солдат в карман - по локоть запускал руку. Вынимал семечки: с махоркой, с трухой. Тощие последние подсолнухи.

Утро было теплое, летнее, парное. Но после бессонной ночи казалось свежо, и все трое ежились.

- Которые проходящие - тех бить; никого чтоб не выпускать! - это говорил ефрейтор Сорокин, не глядя на рядовых. Служба на лице и серьез. Сильный серьез: ефрейтор не глядел на рядовых, а все осматривался по сторонам. Дельно и строго.

Рядовой Гаркуша верил, что все сторели и никто не явится. Хоть и было жутко: а вдруг какая душа спаслась. Бывает.

Рядков еще раз обшарил карман, и стало скучно.

И вдруг ефрейтор Сорокин крикнул:

- Стреляй!

Рядков дернулся. По приморской улице, шатаясь, шла фигура. Кто б